

§9 ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС

Лебедев В.С., Халилова А.С., Лысенко Ю.М.

ЭВОЛЮЦИЯ ДИСКУРСИВНЫХ ПРАКТИК В ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ АДЫГЕИ: ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

***Аннотация.** Предметом исследования настоящей статьи являются трансформации дискурсивных практик в Адыгею в период с создания республики по 2014 год. Автор обращается как к институциональным трансформациям, служившим триггером актуализации этноцентрических дискурсов, так и к политическим кризисам. Особое внимание в статье уделено анализу дискурсов, используемых политическими акторами в период конфликта вокруг статуса Адыгеи в 2004-2005 годах. Это обусловлено тем, что данный политический конфликт привел к ключевой трансформации существовавших на тот момент дискурсивных практик, что в свою очередь оказало значимое влияние на последующие события. данной статье автор использует прежде всего методологию критического дискурс-анализа, в соответствии с которой выделяются артикулируемые политическими акторами дискурсы и исследуется их взаиморасположение. Особое внимание уделено дискурсу адыгских активистов, а также сторонников объединения Адыгеи и Краснодарского края. Научная новизна данной статьи заключается в рассмотрении политических кризисов регионального уровня с точки зрения противостояния дискурсов, артикулируемых политическими акторами. В ходе исследования автор приходит к выводу о наличии двух политических групп активистов, которые используют различные дискурсы, от экономических, до националистических, взаимно пытаются установить гегемонию в отношении таких понятий как «историческая справедливость», «демократия»*

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФНФ в рамках проекта «Общее и особенное в социально-политическом развитии Абхазии, Адыгеи, Дагестана и Чечни постсоветского периода: сравнительно-исторический и документально-правовой анализ», проект № 15-21-12001 а(м).

и т.д. Важно, что сформированные в период 2005 г. дискурсивные практики оказали прямое влияние на последующие конфликты, в том числе и вокруг проведения Олимпиады 2014 года в Сочи.

Ключевые слова: Политика, политические движения, политические трансформации, Северный Кавказ, Республика Адыгея, общественные дискуссии, конфликт, дискурс-анализ, средства массовой информации, дискурсивные практики.

Abstract. The subject of this article is the transformations of discursive practices in Adygea during the period from the establishment of the Republic until 2014. The authors refer to the institutional transformations, which served as a trigger to actualization of ethnocentric discourses, as well as the political crises. Special attention is given to the analysis of discourses used by the political actors during the conflict emerged around the status of Adygea in the 2004-2005. It is substantiated by the fact that this political conflict led to the key transformation of the existing at that precise moment discursive practices, which in turn, significantly affected the future events. Particular attention is also turned to the discourse of the Adygean activists, as well as the supporters of Adygea and Krasnodar Krai union. The scientific novelty of this article consists in examination of the political crises of regional level from the perspective of contraposition of the discourses articulated by the political actors. The authors make a conclusion on the presences of two political groups of activists, which use various discourses, from economic to nationalistic, as well as attempt to establish the hegemony regarding such notions as "historical justice", "democracy", etc. It is an important fact that the established in 2005 discursive practices directly affected the future conflicts, including the conflict occurred around hosting the Olympic Games of 2014 in Sochi.

Key words: conflict, public discussion, Republic of Adygea, North Caucasus, political transformation, political movements, politics, discourse analysis, mass media, discursive practices.

Политический процесс в Адыгее определяется рядом конфликтов, вокруг которых оппонентами сформированы свои дискурсы, посредством которых интерпретируются политические события. Казус Адыгеи обладает значительным исследовательским интересом, поскольку его изучение дает возможность лучше понять контексты взаимодействия различных этнических групп на Северном Кавказе. Политический кризис 2005 года в Республике Адыгея стал краеугольным камнем актуализации этнической идентичности у адыгов, что в последующем проявилось как в местных этнополитических конфликтах, так и в отношении адыгов к проведению Олимпиады 2014 г. в Сочи.

Предыстория политического кризиса 2005 года

В ходе распада СССР в Адыгее начался подъем национального сознания адыгов, что привело к рассмотрению вопроса о повышении статуса Адыгейской автономной области на внеочеред-

ной сессии областного совета народных депутатов 5 октября 1990 года, по итогам которой было объявлено образование Адыгейской автономной Советской Социалистической Республики в составе РСФСР.

Необходимо отметить, что адыги на момент образования Адыгеи составляли меньшинство населения: лишь 22,09% от числа жителей Адыгеи, в то время как русские составляли 67,96%, то есть большинство. Такое соотношение заставляло значительную часть адыгской элиты испытывать перманентную тревогу относительно перспектив контроля над политической жизнью региона. С другой стороны, многие активисты со стороны русских, проживавших на территории Майкопа, Майкопского и Гиагинского районов были обеспокоены положением дел, поскольку опасались дискриминации. Подобные ожидания заложили основу развивающихся в республике конфликтов. Провозглашение отделения Адыгеи от Краснодарского Края в рамках РСФСР сопровождалось акциями протеста неадыгских жителей в центре Майкопа у «Белого дома» [1, С.124].

Итогом противостояния двух лагерей активистов стала политизация этничности в Адыгее, и формирование 2 базовых групп по этому вопросу на основе своих организаций: для адыгов такими организациями стали Адыгэ Хасе и Комитет-40, а для этнических активистов со стороны русскоязычного населения – Союз славян Республики Адыгея.

Таким образом, можно сказать, что само становление Адыгеи в качестве республики, проходило в условиях конфликта. Основанием для ее выделения в самостоятельное политическое образование стали притязания адыгской элиты, базирующиеся на представлении о несправедливости исторической судьбы адыгов (в данной статье обоснованность такого взгляда на является предметом рассмотрения). Поскольку этническая подоплека послужила предпосылкой для формирования республики, Адыгея уже тем самым была предрасположена к политизации этничности, а тот факт, что титульный этнос находился в меньшинстве, предопределил каркас, на основании которого впоследствии эта политизация реализовывалась.

Ключевым конфликтом для 90-х гг. в республике стал вопрос о выборах в Верховный Совет Адыгеи, которые были назначены на 22 декабря 1991 года. Формирование правовой системы Адыгеи рассматривалось адыгскими активистами в широком историческом контексте, как преодоление последствий Кавказской войны XIX века в ходе которой значительное число адыгов были вынуждены покинуть свою историческую родину, при этом часть активистов применяли к этой войне категорию «геноцид». В качестве меры, способствующей преодолению этой исторической травмы, адыгские активисты настаивали на необходимости паритетного представительства адыгов и иных этносов в парламенте, претендуя на 50% депутатских мандатов [2, С.68]. С другой стороны, активисты Союза славян рассматривали принятие подобного решения в качестве подрыва демократии и установления этнокланового правления с нарушением прав человека, поскольку адыги составляли и составляют меньшинство населения. Таким образом, было сформировано два дискурса, сквозь призму которых политические акторы

рассматривали электоральный процесс. Решением стала специфическая нарезка избирательных округов: привилегии получали преимуществе территории, населенные адыгами. В итоге был сформирован парламент из 100 депутатов: 45 из них были адыгами, 49 – русскими, 6 – представителями других национальностей. Именно в ситуации противоборства двух дискурсов, так или иначе актуализирующих этнические притязания, 10 марта 1995 года была принята Конституция Республики Адыгея и тем самым сформирована политическая система региона.

Дискуссия о присоединении Адыгеи к Краснодарскому краю

Начало 2000-х годов характеризуется периодом унификации законодательства в России: за предшествующий период во множестве субъектов федерации были приняты региональные законы и конституции, элементы которых могли рассматриваться как противоречащие Конституции России. В результате было принято решение о создании более консолидированного единого правового поля на всей территории страны, что потребовало пересмотра противоречащих пунктов. 28 июня 2000 г. был принят региональный закон «О Конституционной комиссии Республики Адыгея», в соответствии с была сформирована группа политиков, выработавших предложения по изменению Конституции [3].

Одной из значимых инициатив комиссии, вызвавших общественные дискуссии на основе политизации этнической проблематики, стало преобразование структуры законодательной власти в Республике Адыгея. В соответствии с новыми поправками в Конституцию парламент Адыгеи становился двухпалатным: он должен был состоять из Совета Представителей и Совета Республики, по 27 депутатов в каждой из палат. Депутаты нижней палаты выбирались по 27 одномандатным округам, равным по численности избирателей. Депутаты верхней палаты должны были избираться по 3 человека от существующих территориально-административных единиц Адыгеи [4].

Новая схема избрания вполне отвечала притязаниям адыгских активистов на этниче-

ский паритет в парламенте, которого они добивались на выборах 1994 года. Теперь у них была возможность не просто добиться паритета, но контролировать большинством голосов верхнюю палату. Принятие конституционных поправок вновь спровоцировало старый конфликт: многие возмутились новой процедурой избрания депутатов. Не поддержала принятие поправок и Прокуратура Республики Адыгея, посчитав новый механизм нарушающим права избирателей. Однако, после долгих споров, федеральная судебная власть в преддверии республиканских выборов посчитала возможным их проведение по предложенной Государственным советом схеме: выборы по новой схеме состоялись, несмотря на протесты со стороны Союза славян Адыгеи. Таким образом, размежевания по этническому признаку вновь обострились и поводом для этого вновь стали институциональные трансформации.

Наиболее болезненной проблемой, возникшей перед политическим классом Адыгеи в 2000-е гг., стало сохранение политического статуса республики, в качестве самостоятельного субъекта России. Идея объединения была одним из основных политических ресурсов Союза славян Адыгеи, использовавшем ее в рамках борьбы за места в парламенте и за пост Президента Республики. Однако до 2004 года эта идея существовала лишь как часть публичного дискурса внутри самой Адыгеи. Но в 2003 году в эту ситуацию вмешался федеральный центр, запустив процесс укрупнения регионов. Адыгея же, находясь территориально внутри Краснодарского края, была достаточно удобной территорией для слияния. По мнению кавказоведа А. А. Ярлыкапова, Адыгея стала пробным шаром, на основе которого были бы возможны дальнейшие суждения о перспективах изменения региональных границ на Северном Кавказе [6, С.184]. Кейс политического кризиса в Адыгеи интересен тем, что в данный политический конфликт сторонников и противников объединения Адыгеи и Краснодарского края вмешались представители федеральной власти, тем самым выявив некоторые значимые для анализа особенности артикулируемых дискурсов, а также сформировав новые тенденции, отчетливо

проявившиеся в дискуссиях о проведении сочинской олимпиады в 2014 году.

Публичный конфликт по вопросу объединения двух регионов начался в конце 2004 года, когда 29 декабря губернатор Краснодарского края высказался об экономической целесообразности объединения Адыгеи с его регионом: «Объединение Краснодарского края и Республики Адыгея позволит уменьшить администрирование для хозяйствующих субъектов. Однако если смотреть через призму национального самосознания, это очень сложный вопрос» [7]. На следующий день, 30 декабря 2004 года, адыгская организация «Черкесский конгресс» провела заседание, на котором лидеры выступили с критикой высказываний губернатора: «Адыгея, как отдельное государственное образование было создано не во имя экономической целесообразности, а в знак признания неотъемлемо права, выстраданного адыгским народом, на свою государственность» [5, С.20].

Эта дискуссия положила начало актуализации этнической проблематики, однако на этот раз конфликт вышел на новый уровень – он проходил в рамках федеральной повестки и с непосредственным участием представителей органов власти Краснодарского края. Губернатор А. Ткачев, рассуждая о перспективах объединения Адыгеи и Краснодарского края, обращался к экономическому дискурсу, используя понятия эффективности и целесообразности. В свою очередь этнические активисты адыги апеллировали к проблематике этничности и к собственному прошлому, которое количественно нельзя осмыслить. Иначе говоря, если в одном дискурсе объединение рассматривается как шаг к экономическому росту, то для адыгов – это ликвидации территории, на которой они обладают привилегированным статусом. И та и другая картины, вероятно, имели право на существование, однако ввиду несовместимости дискурсов, в рамках которых стороны осмысливали происходящие события, достижение компромисса и взаимопонимание было маловероятно.

Ситуация нуждалась в реакции со стороны руководства Адыгеи, и следующим шагом стало выступление Президента Адыгеи Х. Совмена в средствах массовой информации. В своем ком-

ментарии, опубликованном в газете «Советская Адыгея» от 15 января 2005 года, он назвал возможное объединение историческим регрессом. Примечательна риторика и аргументация главы республики. Прежде всего, он легитимирует в республике интерпретацию возможности объединения Адыгеи с Краснодарским краем в рамках этнического дискурса: «Образование Адыгейской автономной области в 1922 году было обусловлено, в первую очередь, необходимостью создания системы государственных гарантий сохранения и дальнейшего развития адыгского (черкесского) этноса, оказавшегося в результате Кавказской войны XIX века и исторических катаклизмов начала XX века на грани физического выживания. Адыгея стала единственным регионом в мире, где адыгский народ пользуется государственным статусом и государственной поддержкой в сохранении и развитии своей национальной самобытности» [8].

С другой стороны, Хазрет Совмен в дальнейшем апеллирует уже и к экономическому дискурсу, приводя аргументы, в которых экономическая, целерациональная составляющая носит превалирующий характер: «кроме того, объединение явилось бы экономически необоснованным шагом с учетом того, что Краснодарский край относится к дотационным регионам и имеет собственные нерешенные социально-экономические проблемы» [8]. При этом Президент Адыгеи встраивает сложившуюся дискуссию в широкий исторический контекст, выстраивая определенный нарратив от Кавказской войны и эмиграции адыгов, через советский период истории вплоть до конкретного момента своего комментария.

Это смешение экономического и этноцентрического дискурса представляется весьма интересным. Поскольку в силу своего статуса Президента Адыгеи Хазрет Совмен формально должен представлять интересы всех жителей Адыгеи – он не мог апеллировать лишь исключительно к адыгским национальным чувствам в отстаивании своей позиции. Кроме того и в контексте недавней чеченской войны и продолжающейся на тот момент контртеррористической операции, резкий этноцентричный ответ со стороны руководителя республики мог быть

воспринят федеральной властью как признак зарождающегося сепаратизма, что безусловно не соответствовало желаемому имиджу Адыгеи, да и интересам политической элиты в виду дотационности региона. Своим выступлением Хазрет Совмен одновременно актуализировал два дискурса, вступая в диалог и с адыгскими активистами, и с федеральными политиками.

Весьма показательной в этом отношении представляется реакция со стороны органов власти Краснодарского края. В апреле 2005 г. в газете «Советская Адыгея» была опубликована статья полномочного представителя Краснодарского края в Адыгее П. Камагурова, в которой он встал на защиту губернатора Ткачева, обращая внимание читателей на его высказывание о возможных сложностях при объединении, связанных с «национальным сознанием». Камагуров предлагал не интерпретировать слова Ткачева однозначно. В данном тексте высказывание губернатора Краснодарского края интерпретируется не как предложение к объединению двух регионов, а как размышление о перспективах и сложностях такого политического решения. Само же это «оправдание» помещено в более широкий контекст рассуждений о «национальном вопросе» в современной России и перспективах его разрешения: «Невооруженным взглядом видно, что на национальном раздразне страну хотят погубить. Уже сколько конфликтов спровоцировано на межнациональной основе» [9]. В этой фразе содержится намек на конспирологический дискурс: «некто» хочет «Россию погубить», занимается «провоцированием» (впоследствии в статье возникает образ «нечестивцев», которые «тянут руки» к Северному Кавказу). Задача этого текста – делигитимировать высказывания адыгских активистов, путем оспаривания этноцентрического дискурса, ввиду того, что он, в выстраиваемой автором логике «провоцирует раздрай».

Логическим завершением статьи, является следующий тезис: «И поскольку история отвела русскому народу ведущую роль в объединении российских этносов в единое государство, то и на государственном уровне необходимо сделать все, чтобы эта роль была воспринята, принята и понята всеми живущими рядом народами» [9]. В этом

отрывке сосредоточено сразу несколько идеологических предпосылок. Во-первых, утверждается идея о руководящей роли русского народа. В статье также присутствует идея необходимости закрепления такого способа интерпретации российской истории на «государственном уровне». И наконец, третьей идеологемой является высказанная автором мысль о необходимости в принятии ведущей роли русского народа прочими народами, «проживающими рядом», то есть в пределах бывшего СССР.

Данный текст в ходе полемики оспаривал понятия, использовавшиеся этноцентрическим дискурсом, заменяя его на государственно-этноцентрический, и кроме того утверждал альтернативный нарратив, не «Кавказской войны – геноцида», а «ведущей роли русских в объединении российского государства». Однако при этом в статье содержится внутреннее противоречие: в тексте одновременно отрицается этноцентрический дискурс со стороны адыгов, и при этом в последней части утверждается его правомочность в отношении русского этноса.

В дальнейшем публичный конфликт развивался по нарастающей линии. В апреле 2005 года Хазрету Совмену была оказана публичная поддержка со стороны общественных организаций, которые опубликовали свое заявление, в котором выразили протест против перспективы возможного объединения. Также не осталась в стороне и многочисленная зарубежная диаспора адыгов. В этот же период Хазрет Совмен демонстративно делает заявление о своей отставке перед парламентом Адыгеи (хотя юридически это необходимо было обратиться к Президенту России). Однако отставка не состоялась, скорее это был символический шаг, направленный против федеральных чиновников.

В Майкопе 22 апреля 2005 г. состоялся митинг под названием «Живи моя Адыгея», в котором по данным СМИ приняло участие порядка 10 тысяч человек. В это же время общественными лидерами и адыгскими активистами создается Комитет защиты статуса Республики Адыгея (в составе 43 человек). Весьма примечателен состав его сопредседателей: член Совета Федерации Адам Тлеуж, ректор Адыгейского государственного университета Рашид Хуганов, руководитель ис-

полкома регионального отделения партии «Единая Россия» Александр Лузин, директор Национального музея и член Черкесского Конгресса Альмир Абрегов и Анатолий Тарасов – атаман казачьего круга в Майкопе. [10, С.292].

Для полноты картины необходимо также обратить внимание на дискурс политических оппонентов президента Совмена и адыгских некоммерческих организаций – Союз славян Республики Адыгея, чьи главным общественным рупором в этот период была газета «Закубанье». Идея более тесного взаимодействия Адыгеи с Краснодарским краем вплоть до объединения давно озвучивалась представителями Союза славян, и поэтому выглядит вполне естественным, что организация полностью поддержала идеи, высказанные Ткачевым. Союз старался объединить вокруг идеи слияния двух регионов всех ее сторонников, давая им возможность печататься в своем издании. Так, уже в январе 2005 года в газете «Закубанье» вышла статья депутата республиканского парламента, члена Союза Славян Н. Бурхайло, под заголовком «Чего боится Х. М. Совмен?». В данной статье автор резко критикует позицию президента Республики Адыгея Х. Совмена и его позицию в конфликте с губернатором Ткачевым. В противовес повествованию о «Кавказской войне и ее последствиях», в котором создание Адыгеи предстает итогом истории адыгов и делом исторической же справедливости, Бурхайло формирует свой альтернативный нарратив, в котором создание Адыгеи предстает нелегитимным захватом власти в период политического кризиса в стране в целом: «идеологи «Великой Черкесии» тогда воспользовались политической дракой между Горбачевым и Ельциным и под этим соусом «проглотили» столько суверенитета, сколько смогли» [11]. Автор крайне негативно воспринимает сам процесс формирования государственности Адыгеи в составе России, используя эпитеты: «растаскивание страны по суверенным квартирам», «безраздельное господство этнократии». В предлагаемом депутатом Бурхайло нарративе отделение Адыгеи от Краснодарского края представляется сознательным обманом населения, антидемократическим шагом этнических элит. Таким образом, дискурс воспроизводимый в тот момент Н. Бурхайло

радикально противостоит дискурсу адыгских активистов и республиканских властей, отрицая законность создания Адыгеи и, соответственно, отказывая в легитимности и самим политическим лидерам республики.

В дальнейшем депутат высказывает безусловную поддержку идее укрупнения регионов. При этом противники объединения, по его словам действуют, прежде всего, из своих экономических интересов. Логичным шагом для достижения объединения автор считает проведения в республике референдума по этому вопросу. Однако затем уже сам автор начинает критиковать представителей федеральной власти, по его словам, проигрывающих ситуацию на Северном Кавказе: «неэффективность федеральной власти и игнорирование ею проблем русского большинства не дают оснований надеяться на такой разумный и давно назревший шаг, как объединение Адыгеи с краем» [11].

Из этой статьи можно сделать несколько выводов. Во-первых, автором формируется альтернативный нарратив, радикально оспаривающий право адыгов на создание Адыгеи. Во-вторых, поддерживая инициативу федеральной власти по укрупнению регионов, Бурхайло в целом не является ее сторонником, наоборот, жестко критикует проводимую на Северном Кавказе политику, использует этноцентрический дискурс. Наконец депутат предлагает план по объединению Адыгеи и Краснодарского края, первым пунктом которого должно стать проведение референдума по этому вопросу. Впоследствии Союз славян Адыгеи начал кампанию по сбору подписей за проведение такого голосования, которая, однако, себя не оправдала.

Итогом этого противостояния, активная фаза которого пришлось на зиму-весну 2005 года, стало сохранение статуса Адыгеи и прекращение попыток поставить вопрос об объединении края и республики в федеральной повестке дня. Вместе с тем, данный конфликт вызвал подъем со стороны национального сознания адыгов, привел к дополнительной политизации этнической проблематики в Адыгее и к усилению влияния адыгских активистов.

Конфликт вокруг политического статуса Республики Адыгея представляет собой ключевой этап эволюции дискурсивных практик в Адыгее.

Это был первый масштабный конфликт, в ходе которого одной из сторон оказались представители федеральной власти. Сам факт наличия федерального центра в качестве одной из сторон конфликта привел к трансформации существовавших в республике дискурсов – адыгских активистов и сторонников Союза славян в Адыгее. Произошло окончательное складывание исторических нарративов, и прежде всего это касается базовых повествований современного адыгского национального сознания, в частности истории Кавказской войны, воспринимаемой сквозь призму нарратива о геноциде черкесов. В немалой степени на дальнейшую эволюцию дискурсивных практик повлияло и то, что региональные власти в лице Хазрета Совмена были вынуждены противопоставить себя руководству СКФО и соседнего Краснодарского края. Это отчасти в дальнейшем привело к институциональным изменениям, связанным с назначением гораздо менее популярного политика А. Тхакушинова главой региона (в ходе выборов 2002 года он проиграл Х. Совмену, набрав 2,6% голосов) и повышением управляемости политического процесса в регионе. При этом, ходе конфликта представители федерального центра не смогли выстроить сильной и внятной позиции в отношении объединения Адыгеи и Краснодарского края. Важно, что в ходе публичного конфликта дискурс адыгских активистов заметно видоизменился по отношению к федеральному центру: федеральный центр стал восприниматься как некая безразличная к черкесскому вопросу сила, игнорирующая мнение национальных меньшинств. В связи с этим важно проследить видоизменения дискурсивных практик в контексте проведения Зимних олимпийских игр в Сочи в 2014 году, подготовка которых сопровождалась протестами со стороны адыгов как внутри России, так и за ее пределами.

Современный этап развития дискурсивных практик. Кейс Олимпиады

Конфликт вокруг проведения Олимпийских игр в Сочи, начавшийся еще в 2008 году, выявил разницу между дискурсом артикулируемым зарубежной диаспорой и российскими адыгами.

Суть изначальной позиции обеих сторон сводилась к протесту именно против места проведения соревнований. Дело в том, что в рамках исторического нарратива дискурса адыгских активистов Сочи и прилегающие территории рассматриваются как «земля геноцида», поскольку в период Кавказской войны эта территория стала местом вооруженного противостояния, приведшего к гибели многих адыгов. Соответственно проведение спортивных соревнований на этой территории рассматривалось ими как недопустимое «торжество на костях», оскорбляющее историческую память [12].

Позиция федерального центра была довольно простой, она не опиралась на какой-то конкретный идеологический дискурс и заключалась в игнорировании протеста при отрицании повестки, предлагаемой сторонниками признания «геноцида черкесского народа», однако при случаях освещения протестов адыгской диаспоры за рубежом зачастую использовался конспирологический дискурс. Ситуация усугубилась с признанием факта геноцида со стороны Грузии, которая таким образом пыталась сформировать базис под угрозой международного бойкота Олимпиады со стороны некоторых стран запада [13, С. 113].

Однако для адыгских активистов в России ситуация с 2012-2013 года начала меняться, что повлекло за собой изменения в дискурсе. В этот период остро начала вставать международная проблема гражданского конфликта в Сирии, в которой существует етн крупная черкесская диаспора. Активисты из Адыгэ Хасэ, еще в 90-е годы старательно продвигавшие идею возвращения зарубежных адыгов на историческую родину, в своем обращении к властям Адыгеи и Российской Федерации призвали государство предоставить убежище сирийским черкесам. В этой связи радикальное противостояние российскому государству по вопросу проведения Олимпиады в Сочи помешало бы возвращению сирийских адыгов-беженцев. Таким образом, российские активисты-адыги были вынуждены изменить свою позицию, и стали настаивать не на отмене Олимпийских игр, а на «проявлении уважения» к адыгской истории и культуры, что должно было бы выразиться в символике Олимпиады 2014. Однако в 2013 году

противостояние между радикально настроенными активистами и федеральной властью закончилось преследованиями адыгов, призывавших к бойкоту соревнований [12]. С другой стороны представители ФМС пошли на встречу умеренно настроенным активистам, расширив квоты для сирийских черкесов.

Следует обратить внимание на постепенное угасание в этот же период популярности сторонников Союза славян Адыгеи, что связано с улучшением экономической ситуации в республике, и сокращением числа сторонников. С другой стороны немаловажную роль здесь сыграло изменение позиции майкопского отдела кубанского казачьего войска, который перестал поддерживать повестку дня сторонников объединения Адыгеи и Краснодарского края, а также давление на Союз славян со стороны правоохранительных органов, посредством изъятия их печатной продукции (газета «Закубанье») и преследований активистов [14]. Однако говорить о совершенном поражении дискурса сторонников объединения регионов преждевременно.

Переходя к выводам относительно этапов эволюции дискурсов и дискурсивных практик в Адыгее в постсоветский период, следует сосредоточиться на эволюции двух дискурсов, которые условно можно назвать «адыгским» и «прославянским», причем они характеризуют именно дискурс активистов, формирующих повестку дня, а не взгляды адыгов или русских в целом.

«Адыгский» дискурс возник в среде гуманитарной интеллигенции в конце 80-х годов 20 века. Данный дискурс базируется вокруг исторического нарратива о трагических последствиях Кавказской войны, в результате которой большая часть адыгов была вынуждена покинуть территорию исторического проживания. Образование Адыгеи в качестве автономной внутриполитической единицы в составе России во многом базировалось на этом дискурсе. «Прославянский дискурс» возник как реакция на образование Адыгеи и в контексте трагических событий в этнических Республиках СССР, где русские оказались в невыгодном положении. Оба дискурса постоянно находятся друг с другом в борьбе за гегемонию в публичном пространстве. В 90-е годы основным триггером приводившим

к публичным конфликтам, в ходе которых стороны прибегали к артикуляции исследуемых в статье дискурсов, были реформы политических институтов и правила электоральной борьбы: выборы Президента Адыгеи, избирательная система на выборах в парламент, нарезка избирательных округов. При этом конфликты между дискурсами велись в отношении таких понятий, как «этнократия», «демократия», «национализм», «право нации на самоопределение».

После начала формирования вертикали власти в России, пришедшегося на первый срок президента Владимира Путина, в «адыгском» дискурсе возникли существенные перемены. Поводом для них стала попытка объединения Краснодарского края и Республики Адыгея, крайне негативно воспринятая адыгскими активистами, и поощряемая сторонниками «прославянского» дискурса. В результате, если ранее федеральная власть в адыгском дискурсе воспринималась нейтрально, как власть новой «несоветской и неимперской России», то после конфликта федеральный центр для адыгских активистов (особенно радикального толка) стал рассматриваться в качестве актора, не замечающего интересов адыгского народа и способного к их ущемлению.

Вместе с тем, в дальнейшем можно увидеть постепенное ослабление прославянского дискурса, которое однако не приводит к его окончательному уничтожению. Можно говорить о том, что с сужением пространства политиче-

ской борьбы сменились триггеры конфликтов, которые возникают между «прославянским» и «адыгским» дискурсами. Если ранее это были прежде всего формальные правила политической борьбы, то в настоящий момент можно констатировать, что основной площадкой для столкновений сегодня является поле символической политики, начиная от конфликта вокруг проведения Олимпиады в Сочи и заканчивая многочисленными конфликтами вокруг установки памятников (памятник св. Николаю Чудотворцу, вандализм в отношении поклонных крестов и т.д.) и исторических дат (день памяти жертв Кавказской войны). Таким образом, рассмотрение эволюции дискурсивных практик в Республике Адыгея еще раз дает нам повод убедиться, дискурсы зачастую оказываются более устойчивыми, нежели институциональные правила и сохраняются несмотря на смену политических лидеров, форм правления или избирательных систем. В условиях формирования единого культурного пространства и постановки федеральной властью вопроса о единой российской нации, необходимо иметь в виду существование подобных этноцентричных дискурсов. При принятии политических решений в Адыгее немаловажным представляется учитывать возможности их интерпретации с точки зрения дискурсов адыгских и славянских активистов, а также мониторинг и предотвращение в связи с этим эскалации политических и межэтнических конфликтов.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Цветков О. М. Республика Адыгея // Республики Северного Кавказа: этнополитическая ситуация и отношения с федеральным Центром: Монография / научный редактор и соавитель И. Г. Косиков. – Макс Пресс, 2012. С. 115-149.
2. Мекулов Д. Х., Женетль Н. Х. Комитет-40 и становление Республики Адыгея. – Полиграф-Юг, 2013. 240 с.
3. Закон Республики Адыгея №188 «О Конституционной комиссии Республики Адыгея» от 28.06.2000 <http://docs.cntd.ru/document/804932779> (дата обращения 02.08.2016)
4. Мекулов Д. Х., Удычак Ю. Ю. Государственная власть в Адыгее: становление, эволюция, перспективы. – Майкоп, 2009. 304 с.
5. Казенин К. «Тихие» конфликты на Северном Кавказе: Адыгея, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия. – Москва. 2009. 180 с.
6. Ярлыкапов А., Блашкевич А. Проблема укрупнения регионов на Северном Кавказе // Вестник Евразии №3. 2007. С. 181-201.
7. ИА REGNUM: Губернатор Краснодарского края выступает за объединение с Адыгеей <https://regnum.ru/news/384793.html> (Дата обращения: 02.08.2016)

8. Президент Адыгеи считает историческим регрессом объединение республики и Краснодарского края <https://regnum.ru/news/polit/388731.html> (Дата обращения 07.08.2016)
9. Советская Адыгея 15.04.2005.
10. Нефляшева Н. А. Республика Адыгея. // Республики Северного Кавказа: этнополитическая ситуация и отношения с федеральным Центром: Монография / научный редактор и соавитель И. Г. Косиков. – Макс Пресс, 2012. С.285-305.
11. Закубанье. Январь 2005.
12. ИА: Кавказский узел. Черкесский вопрос в Сочи: Столица Олимпиады или земля геноцида? <http://www.kavkaz-uzel.eu/articles/238010> (Дата обращения 09.08.2016)
13. Кольба А.И. Олимпиада 2014: анализ конфликтной составляющей // Politbook. 2012. №3. С.108-116.
14. Новая газета Кубани. Тираж «Закубанья» под арестом больше месяца <http://ngkub.ru/rassledovaniya/tirazh-zakubanya-pod-arestom-bolshe-mesyats> (Дата обращения 09.08.2016)
15. И. В. Бочарников Северо-Кавказский регион: проблемы и перспективы реализации государственной политики России // Международные отношения. – 2012. – 1. – С. 36 – 45.
16. Скрипниченко Д.В. Этническое измерение политических процессов // Международные отношения. – 2013. – 2. – С. 163 – 165. DOI: 10.7256/2305-560X.2013.02.8.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Tsvetkov O. M. Respublika Adygeya // Respubliki Severnogo Kavkaza: etnopoliticheskaya situatsiya i otnosheniya s federal'nym Tsentrom: Monografiya / nauchnyi redaktor i sostoavitel' I. G. Kosikov. – Maks Press, 2012. S. 115-149.
2. Mekulov D. Kh., Zhenetl' N. Kh. Komitet-40 i stanovlenie Respubliki Adygeya. – Poligraf-Yug, 2013. 240 s.
3. Zakon Respubliki Adygeya №188 «О Конституционной комиссии Республики Адыгея» от 28.06.2000 <http://docs.cntd.ru/document/804932779> (data obrashcheniya 02.08.2016)
4. Mekulov D. Kh., Udychak Yu. Yu. Gosudarstvennaya vlast' v Adygee: stanovlenie, evolyutsiya, perspektivy. – Maikop, 2009. 304 s.
5. Kazenin K. «Tikhie» konflikty na Severnom Kavkaze: Adygeya, Kabardino-Balkariya, Karachaevo-Cherkesiya. – Moskva. 2009. 180 s.
6. Yarlykapov A., Blashkevich A. Problema ukрупneniya regionov na Severnom Kavkaze // Vestnik Evrazii №3. 2007. S. 181-201.
7. IA REGNUM: Gubernator Krasnodarskogo kraya vystupaet za ob'edinenie s Adygeei <https://regnum.ru/news/384793.html> (Data obrashcheniya: 02.08.2016)
8. Prezident Adygei schitaet istoricheskim regressom ob'edinenie respubliki i Krasnodarskogo kraya <https://regnum.ru/news/polit/388731.html> (Data obrashcheniya 07.08.2016)
9. Sovetskaya Adygeya 15.04.2005.
10. Neflyasheva N. A. Respublika Adygeya. // Respubliki Severnogo Kavkaza: etnopoliticheskaya situatsiya i otnosheniya s federal'nym Tsentrom: Monografiya / nauchnyi redaktor i sostoavitel' I. G. Kosikov. – Maks Press, 2012. S.285-305.
11. Zakuban'e. Yanvar' 2005.
12. IA: Kavkazskii uzел. Cherkesskii vopros v Sochi: Stolitsa Olimpiady ili zemlya genotsida? <http://www.kavkaz-uzel.eu/articles/238010> (Data obrashcheniya 09.08.2016)
13. Kol'ba A.I. Olimpiada 2014: analiz konfliktnoi sostavlyayushchei // Politbook. 2012. №3. S.108-116.
14. Novaya gazeta Kubani. Tirazh «Zakuban'ya» pod arestom bol'she mesyatsa <http://ngkub.ru/rassledovaniya/tirazh-zakubanya-pod-arestom-bolshe-mesyats> (Data obrashcheniya 09.08.2016)
15. I. V. Bocharnikov Severo-Kavkazskii region: problemy i perspektivy realizatsii gosudarstvennoi politiki Rossii // Mezhdunarodnye otnosheniya. – 2012. – 1. – С. 36 – 45.
16. Skripnichenko D.V. Etnicheskoe izmerenie politicheskikh protsessov // Mezhdunarodnye otnosheniya. – 2013. – 2. – С. 163 – 165. DOI: 10.7256/2305-560X.2013.02.8.